

Водяник Владлена Вадимовна

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ
ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА**

В данной статье рассматривается контекст художественного изображения образа женщины в произведениях таких известных арабских поэтов доисламского периода, как Аль-Мухальхиль, Таа'ббата Шарран, Имру'улькайс и Аль-Ханса. Автор определяет специфику классической репрезентации женских образов в касьдах, муа'ллаках и других древних арабоязычных поэтических формах, а также проводит художественно-смысловой анализ интерпретации образа женщины в произведениях указанных авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

орехом! А вот это большие травянки <...>. В маленькой кадушке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще, что бывает на нечуйвитере, цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! Это пирожки с сыром! Это с урдою! А вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневого кашею» [4, с. 18].

Перевод. «Мис мыр Iабагуш шебрец хальуа, мыр гвоздика (ташын пхъафа); Мисс мыр IабагъцIыкIухаш хъуысана пщIащамра мункаты – дамра къыхашIыкIауа! Мис мыри травянка; Афанасий Ивановичым хууб-жъуа фIыуа йылгагъу къабыстата гречнево каша» [3, с. 156].

Не переведенные слова: *чебрец, мускатный орех, травянка, гречневая каша*. Здесь некоторые слова переводчиком вовсе опущены.

И таких примеров множество.

Любой перевод скрывает за собой постижение содержания того, что написано на одном языке, и передаче этого содержания на другом. Таким образом, любой перевод есть интерпретация. Именно поэтому так важен лингвистический аспект при переводе. При этом необходимо учитывать и индивидуальность переводчика. Эта проблема – одна из наиболее актуальных и наименее разработанных в теории перевода. Пожалуй, самой субъективной предпосылкой являлось то, что использование русских слов вместо «живых» кабардино-черкесских (при этом разрушался стиль автора, и появлялось ощущение искусственности) считалось в тот период признаком образованности и культуры. Вспомним Россию XVIII века, когда русский язык был «засорен» французскими словами, которые вставлялись в письменную и устную речь к месту и не к месту. Этим и объясняется указанный нами лингвистический подход при переводе с одного языка на другой.

Список литературы

1. Алхасова С. М. Проблемы художественного перевода в кабардинской литературе: эволюция, специфика, контекст: автореф. дисс. ... д. филол. н. Нальчик, 2006. 54 с.
2. Алхасова С. М. Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. Нальчик: КБИГИ, 2005. 221 с.
3. Алхасова С. М. Тау-Султан Шеретлоков. Жизнь и творчество. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 204 с.
4. Гоголь Н. В. Старосветские помещики // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: «Правда», 1984. Т. 2. С. 5-28.
5. Липкин Семен. Кабардинская эпическая поэзия. Избранные переводы. Нальчик: Эльбрус, 1956. 252 с.
6. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / сост. и автор вступит. статьи А. Алиева; коммент. А. Алиевой и А. Гутова; подготовка текстов и общ. ред. А. Гутова. Нальчик: Ин-т. истории, филологии и экономики, 1979. 404 с.

THE LINGUISTIC ASPECT OF BILINGUALISM IN THE PROCESS OF TRANSLATION

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies
alkhas55@mail.ru

The article deals with the linguistic and lexicological processes, identified when translating from one language into another, gives the general characteristic of the formation of the Kabardian literary language and the existing methods of translation. In this regard, it is noted that it is necessary to take into consideration the linguistic aspect of the problem and related lexical and stylistic peculiarities, as serious problems can occur in the process of translation from Kabardian into Russian and vice versa. The author proves her point of view, identifying the problems connected with the correlation of this pair of languages to different systems and attendant peculiarities.

Key words and phrases: translation; adequate words; linguistic problem; specific realities; sphere of application; national literature.

УДК 821.411.21-31.09

В данной статье рассматривается контекст художественного изображения образа женщины в произведениях таких известных арабских поэтов доисламского периода, как Аль-Мухальхиль, Таа'ббата Шарран, Имру'улькайс и Аль-Ханса. Автор определяет специфику классической репрезентации женских образов в касыдах, муа'ллаках и других древних арабоязычных поэтических формах, а также проводит художественно-смысловой анализ интерпретации образа женщины в произведениях указанных авторов.

Ключевые слова и фразы: гендер; феминность; маскулинность; гендерное литературоведение; образ; социально-личностный стереотип; доисламская эпоха.

Водяник Владлена Вадимовна

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина
vlada_vodyannik@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

Вопросы гендерной дифференциации и идентичности и их художественное решение в современной литературоведческой науке определяются не только стереотипными взглядами на женщину как личность

и полноправного члена социума, но и особенностями национального мировоззрения, влиянием этнокультурной традиции и индивидуальным авторским видением проблемы взаимоотношений полов и, соответственно, роли женских и мужских образов-детерминантов в художественном поэтическом дискурсе [5].

Появление в литературных произведениях специфических поло-ролевых сюжетов зачастую обусловлено комплексной гендерной тематикой, что, в свою очередь, определяет своеобразие психологического образного анализа и речевых характеристик как персонажей, так и самого автора.

В своей работе при анализе особенностей интерпретации образа женщины мы опирались на поэтические тексты произведений арабоязычной доисламской литературы, которая сегодня является основным источником при исследовании арабской аравийской культуры и быта кочевых бедуинских племен в указанную эпоху. Значение поэзии джахилийского периода (периода невежества, незнания) не ограничивается историческими, этнолингвистическими и философско-эстетическими аспектами или мировоззренческими модусами древности. Ее общественная значимость сохраняется на современном этапе эволюции культуры и состоит не только в стойкости языковых структур, особенностях квантитативного (метрического) стихосложения или жанровой специфике касыды как поэтической формы. Особый интерес для исследователей представляют этапы литературного возникновения, оформления, существования и развития архетипических образов; контекст художественной интерпретации знаковых образов-символов и гендерных образов, в частности, а также традиционное воздействие художественного слова на сознание читателей и слушателей.

В теоретико-понятийной базе современного литературоведения существуют две гендерные типологии персонажей: 1) типология мужских персонажей, в основе которой лежит социальный аспект, т.е. фактор культуры: образы бедуина-воина, соплеменника, соперника, врага; 2) типология персонажей женских, базирующаяся на конструкте природы (природы): образы возлюбленной бедуина, Лейлы, Шахерезады, а также образы жен пророка Мухаммада.

Следует отметить, что доисламской поэзии не свойственно сюжетно-тематическое разнообразие. Для нее характерен ограниченный круг стереотипных ситуаций, образов и ассоциаций. Идеалы, эстетическая оценка событий и явлений жизни бедуинских поэтов не выходили за рамки общеплеменных представлений. Это духовное единство с родом и племенем играло ведущую роль в их мироощущении: не существовало индивидуальных, не разделяемых соплеменниками взглядов и оценок.

Вместе с тем древняя арабская поэзия дает представление о становлении и развитии женского социально-психологического типа, наделенного такими качествами, как доброта, мягкость, готовность к помощи, сопереживанию, сочувствию [4, с. 47]. По стихотворным описаниям можно воссоздать доисламские представления о женской красоте. Мы неоднократно находим сравнения лица, фигуры, походки с объектами и явлениями природы. Большую роль в образной системе древнеарабских поэтических произведений играют сравнения, которые носят конкретный характер. Источником для сопоставления являлась окружающая среда в широком смысле: от представителей локальной аравийской флоры и фауны до эпизодов повседневного быта. Так, наиболее распространенными являются сравнения красивой женщины с луной, зарей, солнцем, звездами, облаком в небе, газелью, ланью, козочкой, верблюдицей/верблюжонком, голубкой, змейкой, мускусной мышкой, лимонным деревцем, лозой, тростником, копьём, хлыстом. Не будучи знакомыми с аристотелевской формулой красоты (соразмерность частей и соответствие частей целому), древнеарабские авторы в стихах неоднократно указывают на органичность и слаженность женской фигуры, причем эталоном утонченности и грации являются парнокопытные животные: лань, газель или антилопа.

В древнеарабской поэзии также встречаются упоминания о лице женщины. Оно – белое, смуглое, светозарное, похожее на луну, солнце, звезду. Причем, помимо универсальных представлений о красоте лица – глаза (черные, иногда зеленые, влажные, с поволокой, пугливые), волосы (цвета воронова крыла, густые, кудрявые), губы (алье, розовые, ароматные, нежные, медовые, влажные), щеки (бледные или румяные), – в отдельных стихотворениях встречаются такие индивидуальные особенности, как родинка.

Обозначения зубов женщины в древнеарабской поэтике имеют богатую семантику, в описаниях внешности женщины этот аспект рассматривается практически каждым автором. Их сравнения весьма разнообразны: «жемчужины» у Тарафы, Имру'улькайса, Антара, «финики» у Омара ибн Абу Раби'а. Красивые зубы – свидетельство здоровья и молодости, следовательно, привлекательности женщины.

Отметим, что самостоятельной культурной значимостью и знаковостью обладают разнообразные запахи, традиционно считающиеся женскими: амбра, мускус, гиацинт, роза, алоэ, мед. Дополнением к запаху выступает и красота белой, прохладной, похожей на атлас или шелк кожи. При этом индивидуальные особенности кожных покровов являются своего рода социальным маркером: чем выше социальный статус женщины, тем нежнее ее кожа, а значит, и ценность тела для мужчины [2, с. 18].

Еще одной не менее важной характеристикой женской привлекательности выступает голос – тихий, журчащий, словно ручей. Аккомпанементом к голосу зачастую являлись звуки, возникавшие при движении: бряцание цепочек, звон соприкасающихся браслетов и бус.

Так, в касыде «В Беку вызвал Джузейма вождей на совет...» Аль-Мухальхиль говорит о женщине следующим образом:

*В Беку вызвал Джузейма вождей на совет,
Ибо Хинд вероломно его известила,
Что согласна покорной супругою стать,
И сама во владенья свои пригласила...*

*И сгубила Джузейму коварная Хинд, –
Часто злобой удары наносятся с тыла...
Амр злосчастную встретил мечом родовым,
Вмиг от шеи ей голову сталь отделила [1, с. 21-22].*

Таким образом, автор показывает женщину как хитрую, двуличную и вероломную особу, которая ради достижения своих целей не остановилась ни перед чем и в итоге расплатилась за свою подлость и коварство жизнью.

В поэме «Не пара он тебе...» Таа'ббата Шарран описывает женщину несколько иначе:

*Не пара он тебе, – ей вся родня внушала, – ...
Ей страшно было стать вдовой храбреца,
Решила, что любви и счастья недостойн
К врагам безжалостный, лихой и смелый воин [Там же, с. 27].*

В данном случае женщина изображается как высокомерная и своенравная личность, она пренебрегает чувствами влюбленного в нее воина лишь потому, что он занимает более низкую ступень в сословной пирамиде доисламского общества родоплеменного строя.

Одним из известнейших древнеарабских поэтов является Имру'улькайс, касыды которого считаются классикой доисламской литературы. Любовная лирика Имру'улькайса носит наивно-чувственный характер. Поэт рассказывает о встречах, зачастую тайных, с любимой, описывает ее внешность столь же детально, как и внешность скакуна. Описания прекрасной аравитянки перемежаются у него с диалогом влюбленной пары – стилистический прием, который позднее заимствовали средневековые мастера любовной лирики (X-XII вв.) [3]. Следует также отметить, что средства художественной изобразительности Имру'улькайса восходят к фольклорной традиции. В тексте касыды «Спешимся здесь...» находим:

*Мукой моею тщеславие тешишь свое,
Сердце твое на замке, ты владеешь ключами.
Ранишь слезами разбитое сердце мое,
Слезы острее, чем длинные стрелы в колчане...
И озирается, словно газель, изогнув
Длинную шею, увешанную жемчугами.
Стан у прелестницы гибкий, упругий, как хлыст,
Стройные стебли с ее не сравнятся ногами...
Нежится дева на ложе своем поутру [1, с. 30-33]...*

Женский образ, созданный Имру'улькайсом, значительно отличается от трактовок Аль-Мухальхиля и Таа'ббаты Шаррана, представляя собой символическое изображение истинной женщины-красавицы, опасливой и предусмотрительной, но в то же время смелой, даже безрассудной, способной на самоотверженные поступки. При помощи многочисленных сравнений и эпитетов автор репрезентирует образ любимой женщины сквозь призму взаимосвязи с природой, именно поэтому его воплощение довольно реалистично и логически обоснованно.

Абсолютно иную интерпретацию образа женщины видим в сочинениях Аль-Хансы, которая известна своими траурными заплачками (риса'а). Например, в стихотворении «Мы были как ветви весенние...» автор говорит следующее:

*Мы были как ветви весенние эти –
Вдвоем возвышались в роскошном расцвете.
Питал наше дерево корень родной.
Нам счастье сулили, любовь, долготелье —
Но ветки внезапно не стало одной:
Погибла, как все погибает на свете [Там же, с. 82].*

Поэтесса создала тонко прочувствованный образ преданно любящей сестры, горько тоскующей о погибшем брате. Аль-Ханса уподобляет семью дереву и отождествляет смерть одного из ее членов сломанной ветви.

С точки зрения многоплановости существования образа женщины в доисламской арабской литературе интересна заплачка «Холодный Сахра прах уже исчез в могиле...»:

*Обречена и мать на вечное страданье,
Когда любимый сын сражен на поле брани.
О, если б смерть скорей настигла и меня,
Чтоб только не дожить до завтрашнего дня...
Ты, Сахр, покинул нас, исчез в загробной мгле [Там же, с. 83]...*

В данном отрывке Аль-Ханса рисует образ несчастной матери, которой пришлось похоронить сына-воина, и ее дочери. Опечаленные горем и тоской женщины ожидают лишь прихода смерти в надежде на встречу с покойным героем. В риса'а «Как душит по ночам воспоминаний гнет...» видим:

*Как душит по ночам воспоминаний гнет!
Отчаянная боль заснуть мне не дает...*

*И я тебя забыть, единственный и милый,
Смогу лишь в вечной тьме, в безмолвии могилы.
И если б не было друзей в родном краю,
Я прервала бы жизнь постылую свою...
Как солнце ты восходил, и я, тебя утратя,
Рыдаю о тебе при солнечном закате [Там же, с. 84].*

Поэтесса говорит о тщетности бытия после смерти горячо любимого брата. Особого внимания здесь требует уподобление погибшего брата солнцу, которое в древнеарабской мифологии представлялось как одно из наиболее могущественных и грозных божеств (Шамс, от ар. شمس – «солнце»).

Таким образом, в произведениях Аль-Хансы женщина предстает не как объект восторженных лирических чувств бедуинского воина, а как верная и любящая сестра, скорбящая о своем погибшем брате, которого она считает образцовым воином и защитником родного племени, эталоном всех добродетелей.

В заключение отметим, что в доисламской поэзии образ женщины имеет несколько репрезентаций, основными из которых являются образ возлюбленной и образ сестры. Примечательным является и тот факт, что в первом случае основное внимание поэты уделяют внешней красоте девушек и таким внутренним качествам и чертам характера, как целомудрие и смелость в любви к единственному и достойному избраннику, которые проявляются в неповиновении родственникам и слушании родительских приказов; во втором же случае на первый план изображения выходят только моральные качества женщины: преданность и верность своему роду, гордость за соплеменников, самоотверженность и искренность в чувствах и эмоциях.

Список литературы

1. **Арабская поэзия средних веков.** М.: Художественная литература, 1975. 403 с.
2. **Барбар Мохаммед Абдел-Рахим.** Женщина в арабской культуре: дисс. ... к. культурологии / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2005. 208 с.
3. **Любовная лирика классических поэтов Востока** / сост. М. А. Курганцев [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.net/b/223967/read> (дата обращения: 29.04.2016).
4. **Сулейман Ахмед Абид Ахмед.** Человек в арабской культурной традиции и киноискусстве: дисс. ... к. культурологии. СПб., 2002. 186 с.
5. **Трофимова Е. И.** К вопросу о гендерной терминологии [Электронный ресурс] // Летняя школа «Общество и гендер». URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/trofimova.htm> (дата обращения: 29.04.2016).

ARTISTIC EMBODIMENT OF WOMAN'S IMAGE IN ARABIC POETRY OF PRE-ISLAMIC PERIOD

Vodyannik Vladlena Vadimovna

Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

vlada_vodyannik@mail.ru

This article discusses the context of the artistic portrayal of the woman's image in the works of such famous Arabic poets of the pre-Islamic period as Al'-Mukhal'khal', Taa'bbata Sharran, Imru'ul'kais and Al'-Khansa. The author determines the specificity of the classic representation of female images in qasidas, muallakas and other ancient Arabic-language poetic forms, as well as conducts an artistic and semantic analysis of the interpretation of the woman's image in the works of these authors.

Key words and phrases: gender; femininity; masculinity; gender literary criticism; image; social-personal stereotype; pre-Islamic epoch.

УДК 821.112.2

В статье идет речь об одной из новелл Иоганнеса Бобровского, изображающих события периода фашизма и начала Второй мировой войны. Недоговоренность и одновременно смысловая насыщенность повествования произведения создают сложное его построение, несмотря на то что сюжет вообще отсутствует. Небольшой объем рассказа «Мышинный праздник», с одной стороны, и значительность предмета изображения – с другой, требуют от писателя полновесности каждого слова, выразительности каждого штриха. И. Бобровский не только скрупулезно отбирает детали, но и умело располагает их, соотнося друг с другом и со всем произведением в целом.

Ключевые слова и фразы: фабула; сценическая композиция; косвенная речь; сказовость; разговорная речь.

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_tav@mail.ru*

ИОГАННЕС БОБРОВСКИЙ: «МЫШИНЫЙ ПРАЗДНИК»

Все творчество, и в первую очередь короткие рассказы, немецкого писателя связано с единой темой вины и ответственности немцев перед народами Востока. Несколько рассказов, повествующих о событиях периода